

М. П. Степановъ. Храмъ-Усыпальница Великаго Князя Сергѣя Александровича во имя Преподобнаго Сергѣя Радонежскаго въ Чудовомъ Монастырѣ въ Москвѣ. Москва. Синодальная Типографія, 1909 г. 4^о. 184 стр., съ 41 фототипіей.

Вышедшая въ Декабрѣ минувшаго года книга М. П. Степанова содержитъ въ себѣ подробное описаніе памятника-храма, сооруженнаго по мысли и на средства Ея Императорскаго Высочества Великой Княгини Елисаветы Теодоровны. Трудъ выполненъ съ великой тщательностью и любовью. Начинается онъ съ историческихъ свѣдѣній о нижнихъ покояхъ Чудова Монастыря подъ храмомъ Св. Алексія, гдѣ устроена Усыпальница. То были житенныя палаты, опустѣвшія съ тѣхъ поръ, какъ монастырь обѣднѣлъ, лишившись послѣ 1764 года своихъ земельныхъ имуществъ и 18,000 душъ крестьянъ. Далѣе подробно описано, какъ эти темные полуподвалы обратились въ произведеніе зодчества. Для этого пришлось произвести рядъ капитальныхъ передѣлокъ. Въ сущности нетронутою осталась лишь средняя часть свода, но ни одна стѣна не уцѣлѣла въ прежнемъ видѣ. Ниша, гдѣ помѣщается мраморное надгробіе, устроена въ толщѣ Сѣверной стѣны, на мѣстѣ задѣланнаго прохода въ примыкающую съ Сѣвера палату, гдѣ теперь монастырская бібліотека. Для устройства алтаря пробить въ Восточной стѣнѣ пролетъ и надъ нимъ сложенъ кирпичный дугообразный сводъ. Южнѣ его, въ той же стѣнѣ, пробить ходъ въ ризницу. Въ Западной стѣнѣ сдѣлана входная дверь, въ южной—дверь въ Николаевскій дворецъ и окно, служащее единственнымъ источникомъ дневного освѣщенія. Послѣ этихъ передѣлокъ получило помѣщеніе, состоящее изъ центрального квадрата съ низко начинающимся на Западной стѣнѣ сводомъ, съ большой, полукруглой, выложенной золотою мозаикою нишею, въ которой красуется прекрасный саркофагъ изъ бѣлаго мрамора, дающій великолѣпное сочетаніе бѣлаго съ золотомъ. Вся Восточная стѣна занята мраморнымъ иконостасомъ, созданиємъ П. В. Жуковскаго.

Для художественной оцѣнки иконостаса П. В. Жуковскаго, по проекту котораго сооруженъ и весь храмъ, авторъ пользуется отзывомъ извѣстнаго знатока искусства, Д. Х., напечатанномъ въ № 32 и 34 „Московского Голоса“.

Подобно знаменитому Тэну въ основу художественной критики полагая не личныя впечатлѣнія, а историческія данныя, Д. Х. прочно устанавливаетъ значеніе работы П. В. Жуковскаго.

Его иконостасъ есть золотая середина между иконостасомъ архитектурнымъ Византійскимъ, стоящимъ въ соотвѣтствіи съ Греческимъ богослуженіемъ, но чуждымъ Русскому вкусу, и иконостасомъ Русскимъ, покрытымъ сверху до низу иконами, которыя даютъ потребное душѣ Православнаго Русскаго благоговѣйнаго созерцаніе иконъ, но непрактичнымъ для литургическихъ цѣлей. Боковыя сквозныя части иконостаса П. В. Жуковскаго дѣлаютъ жертвенникъ доступнымъ для всѣхъ вѣрующихъ, чѣмъ восстанавливается гармонія съ звучащими изъ глубины вѣковъ словами: „мужчина ли, женщина ли могутъ приносить непосредственно дары свои къ жертвеннику“.

Что касается характера иконостаса, то Д. Х. смѣло называетъ его Русскимъ: П. В. Жуковскій усвоилъ, подобно Русскимъ зодчимъ XVII вѣка, стили Византійскій, Ломбардскій, Романскій, но избѣгъ подражательности и создалъ нѣчто совершенно новое, самобытное, краснорѣчиво говорящее Русской душѣ.

Послѣ этого отзыва М. П. Степановъ даетъ свое описаніе иконостаса и всей усыпальницы, указывая при этомъ на его „образъ катакомбнаго храма“.

Живопись, исполненная художникомъ К. П. Степановымъ древнимъ способомъ письма „вапами“ (красками, разведенными водой съ яичнымъ желткомъ) и чарующая взоръ своею красотой, описана съ не меньшею тщательностью; при этомъ сдѣланы историческія и художественныя поясненія. Не вполне разъяснена только вся трудность задачи современнаго иконописца, который пожелалъ бы приблизиться къ древнимъ иконамъ, находящимся въ храмѣ, такъ, чтобы получилась полная гармонія. Эти „великолѣпныя цвѣтотыя пятна“, какъ о нихъ выразился Д. Х., остаются всегда, по своему обвѣянному крылами времени колориту, недосягаемыми. Въ сравненія онѣ, въ постѣ и со слезами молитвы написанныя, и по духовной своей силѣ: ибо для православнаго эти иконы не произведеніе кисти, подверженное художественной критикѣ, а прибѣжище въ скорбяхъ, гдѣ обрѣтаешь помощь, исцѣленіе души и гдѣ, по вѣрѣ, невозможное дѣлается возможнымъ.

Описаны онѣ въ отдѣлѣ, наименованномъ „Приложенія“, который составляетъ бѣольшую часть всей книги (37—184 стр.) Тутъ оживаетъ душа усопшаго Великаго Князя, собирателя этихъ священныхъ драгоценностей, приходя въ общеніе со всѣми тѣми, кто получаетъ отъ нихъ теперь молитвенное настроеніе и художественную радость.

Это замѣчательное и обширное (около 300 однѣхъ иконъ, кромѣ другихъ вещей) собраніе описано съ историческими указаніями. Такъ, при описаніи кованной изъ серебра иконы великой княгини Анны Кашинской, XVII вѣка, помѣщена вся исторія жизни святой княгини, откритія ея мощей и прославленія памяти, завершившіяся торжествами 12 Іюня прошлаго года въ Кашинѣ, въ присутствіи и при дѣятельномъ участіи Ея Императорскаго Высочества Великой Княгини Елисаветы Теодоровны *).

*) Эта серебряная икона Анны Кашинской поднесена была покойной Императрицѣ Маріи Александровнѣ княгиней Елисаветою Александровной Голицыной, а ею получена отъ ея отца, археолога и собирателя Чертковской Библіотеки. П. Б.

При описаніи полумантіи Преподобнаго Серафима, Саровскаго Чудотворца, есть повѣствованіе объ испѣленіи ею Великой Княгини Маріи Александровны, нынѣ герцогини Кобургской, въ 1860 году, и другихъ чудесахъ, ею явленныхъ.

Древній складень съ золотымъ крестомъ, 1414 года, послужилъ для обширнаго историко-археологическаго изслѣдованія, изъ котораго встаетъ цѣлая забытая эпоха, гдѣ дѣйствуетъ Нижегородскій Князь Данииль Борисовичъ, двоюродный дядя великаго князя Московскаго, Василія Дмитріевича, Зелени-Салтанъ Тахтамышевичъ, Юрій Шемяка и множество другихъ лицъ.

Такимъ образомъ „Приложенія“ не сухой перечень, а живое изложеніе, гдѣ для внимательнаго и пытливаго читателя открывается цѣлый невѣдомый ему доголѣ міръ. Здѣсь мѣстами выступаютъ скрытыя душевныя тайны обладателей описываемыхъ предметовъ. Такъ въ Евангеліи принадлежавшемъ Императрицѣ Маріи Александровнѣ, читаемъ слѣдующія строки, написанныя ея рукою на послѣдней страницѣ: „Que m'arriverat-il aujourd'hui, o mon Dieu? Je ne sais rien. Tout ce que je sais, c'est qu'il ne m'arrivera rien que Vous n'avez prévu, réglé, voulu, ordonné. Cela me suffit: j'adore Vos dessins éternels et impénétrables, je m'y soumetts de tout, je Vous fais mon sacrifice de tout et j'unis ce sacrifice à celui de mon divin Sauveur. Je vous demande, o mon Dieu, la patience dans mes peines et la parfaite soumission, qui Vous est due pour tout ce que Vous voulez ou permettez. Amen *). Царское Село, ce 27 Sept. 1853“.

Вообще надо сказать: въ „Приложеніяхъ“ книги М. П. Степанова, какъ въ зеркалѣ, отражается духовный обликъ почившаго Собирателя описываемыхъ священныхъ предметовъ: они молчаливо свидѣтельствуютъ о его благодетеліи, художественномъ вкусѣ и преданности завѣтамъ Православной Руси.

Фототипіи, приложенныя къ книгѣ, исполнены столь отчетливо, что въ лупу можно прочесть надписи на изображенныхъ иконахъ. Однако, въ виду того, что главная красота Храма въ колоритѣ, сочетаніи мрамора, мозаики, бронзы, а вся недосыгаемая художественность древнихъ иконъ остается непременною при однотонности ихъ изображенія, желательна, наряду съ доступнымъ по цѣнѣ указателемъ изданіе въ краскахъ, великолѣпное, соответствующее предмету. Храмъ-Усыпальница—жемчужина Кремля! Произведеніе искусства чистое и прекрасное—воплощенная молитва просвѣтленной страданіемъ высокохудожественной души, олицетвореніе надежды на воскресеніе и жизнь вѣчную.

Сергій Бартевевъ.

---

*) Этими строками напоминаются подобныя душевныя изліянія императрицы Елисаветы Алексѣевны въ ея письмахъ къ матери, своеручно списанныхъ съ подлинниковъ покойнымъ Великимъ Княземъ и нынѣ изданныхъ его двоюроднымъ братомъ Великимъ Княземъ Николаемъ Михайловичемъ. П. Б.